

Сказка о царе Берендее — Василий Жуковский

Жил-был царь Берендей до колен борода. Уж три года
Был он женат и жил в согласие с женою, но все им
Бог детей не давал, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотреть свое государство,
Он простился с царицей и восемь месяцев ровно
Пробыл в отлучке. Девятый был месяц в исходе, когда он,
К царской столице своей подъезжая, на поле чистом
В знойный день отдохнуть рассудил, разбили палатку,
Душно стало царю под палаткой, и смерть захотелось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно
Как быть, что делать? А плохо приходит, вот он решился
Сам объехать все поле: авось попадется на счастье
Где-нибудь ключ. Поехал и видит колодезь. Поспешно
Спрянув с коня, заглянул он в него: он полон водою
Вплоть до самых краев, золотой на поверхности ковшик
Плавает. Царь Берендей поспешно за ковшик — не тут-то
Было: ковшик прочь от руки. За янтарную ручку
Царь с нетерпеньем то правой рукою, то левой хватает
Ковшик, но ручка, проворно виляя и вправо и влево,
Только что дразнит царя и никак не дается.
Что за причина? Вот он, выждавши время, чтоб ковшик
Стал на место, хватить его разом справа и слева —
Как бы не так! Из рук ускользнувши, как рыбка нырнул он
Прямо на дно колодца и снова потом на поверхность
Выплыл, как будто ни в чем не бывало. Постой же! (подумал

Царь Берендей) я напьюсь без тебя, и, недолго собираясь,
Жадно прильнул он губами к воде и струю ключевую
Начал тянуть, не заботясь о том, что в воде утонула
Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять он
Голову хочет ан нет, погоди! не пускают, и кто-то
Царскую бороду держит. Упершись в ограду колодца,
Силится он оторваться, трясет, вертит головою —
Держат его, да и только. Кто там? пустите! — кричит он.
Нет ответа, лишь страшная смотрит со дна образина:
Два огромные глаза горят, как два изумруда,
Рот разинутый чудным смехом смеется, два ряда
Крупных жемчужин светятся в нем, и язык, меж зубами
Выставясь, дразнит царя, а в бороду впутались крепко
Вместо пальцев клешни. И вот наконец сиповатый
Голос сказал из воды: Не трудися, царь, понапрасну,
Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю,
Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь.
Царь подумал: Чего ж я не знаю? Я, кажется, знаю
Все! И он отвечал образине: Изволь, я согласен.
Ладно! — опять сиповатый послышался голос.- Смотри же,
Слово сдержи, чтоб себе не нажить ни попрека, ни худа.
С этим словом исчезли клешни, образина пропала.
Честную выручив бороду, царь отряхнулся, как гоголь,
Всех придворных обрызгал, и все царю поклонились.
Сев на коня, он поехал, и долго ли, мало ли ехал,
Только уж вот он близко столицы, навстречу толпами
Сыплет народ, и пушки палят, и на всех колокольнях

Звон. И царь подъезжает к своим златоверхим палатам —
Там царица стоит на крыльце и ждет, и с царицей
Рядом первый министр, на руках он своих парчевую
Держит подушку, на ней же младенец, прекрасный как светлый
Месяц, в пеленках колышется. Царь догадался и ахнул.
Вот оно то, чего я не знал! Уморил ты, проклятый
Демон, меня! Так он подумал и горько, горько заплакал.
Все удивились, но слова никто не промолвил. Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался им долго,
Сам его взнес на крыльцо, положил в колыбельку и, горе
Скрыв про себя, по-прежнему царствовать начал. О тайне
Царской никто не узнал, но все примечали, что крепко
Царь был печален — он все дожидался: вот придут за сыном,
Днем он покоя не знал, и сна не ведал он ночью.
Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевич
Рос не по дням — по часам, и сделался чудо-красавец.
Вот наконец и царь Берендей о том, что случилось,
Вовсе забыл но другие не так забывчивы были.
Раз царевич, охотой в лесу забавляясь, в густую
Чащу заехал один. Он смотрит: все дико, поляна,
Черные сосны кругом, на поляне дуплистая липа.
Вдруг зашумело в дупле, он глядит: вылезает оттуда
Чудный какой-то старик, с бородою зеленой, с глазами
Также зелеными. Здравствуй, Иван-царевич, — сказал он. —
Долго тебя дожидались мы, пора бы нас вспомнить.
Кто ты? — царевич спросил. Об этом после, теперь же
Вот что ты сделай: отцу своему, царю Берендею,

Мой поклон отнеси да скажи от меня: не пора ли,
Царь Берендей, должок заплатить? Уж давно миновалось
Время. Он сам остальное поймет. До свиданья. И с этим
Словом исчез бородатый старик. Иван же царевич
В крепкой думе поехал обратно из темного леса.
Вот он к отцу своему, царю Берендею, приходит.
Батюшка царь-государь, — говорит он, — со мною случилось
Чудо. И он рассказал о том, что видел и слышал.
Царь Берендей побледнел как мертвец. Беда, мой сердечный
Друг, Иван-царевич! — воскликнул он, горько заплакав. —
Видно, пришло нам расстаться!.. И страшную тайну о данной
Клятве сыну открыл он. Не плачь, не крушися, родитель, —
Так отвечал Иван-царевич, — беда невелика.
Дай мне коня, я поеду, а ты меня дожидайся,
Тайну держи про себя, чтоб о ней здесь никто не проведал,
Даже сама государыня-матушка. Если ж назад я
К вам по прошествии целого года не буду, тогда уж
Знайте, что нет на свете меня. Снарядили как должно
В путь Ивана-царевича. Дал ему царь золотые
Латы, меч и коня вороного, царица с мощами
Крест на шею надела ему, отпели молебен,
Нежно потом обнялися, поплакали с богом! Поехал
В путь Иван-царевич. Что-то с ним будет? Уж едет
День он, другой и третий, в исходе четвертого — солнце
Только успело зайти — подъезжает он к озеру, гладко
Озеро то, как стекло, вода наравне с берегами,
Все в окрестности пусто, румяным вечерним сияньем

Воды покрытые гаснут, и в них отразился зеленый
Берег и частый тростник — и все как будто бы дремлет,
Воздух не веет, тростинка не тронется, шороха в струйках
Светлых не слышно. Иван-царевич смотрит, и что же
Видит он? Тридцать хохлатых сереньких уток подле
Берега плавают, рядом тридцать белых сорочек
Подле воды на травке лежат. Осторожно поодаль
Слез Иван-царевич с коня, высокой травой
Скрытый, подполз и одну из белых сорочек тихонько
Взял, потом угнездился в кусте дожидаться, что будет.
Уточки плавают, плещутся в струйках, играют, ныряют.
Вот наконец, поиграв, поныряв, поплескавшись, подплыли
К берегу, двадцать девять из них, побежав с перевалкой
К белым сорочкам, оземь ударились, все обратились
В красных девиц, нарядились, порхнули и разом исчезли.
Только тридцатая уточка, на берег выйти не смея,
Взад и вперед одна-одинешенька с жалобным криком
Около берега бьется, с робостью вытянув шейку,
Смотрит туда и сюда, то вспорхнет, то снова присядет
Жалко стало Ивану-царевичу. Вот он выходит
К ней из-за кустика, глядь, а она ему человеческим
Голосом вслух говорит: Иван-царевич, отдай мне
Платье мое, я сама тебе пригожусь. Он с нею
Спорить не стал, положил на травку сорочку и, скромно
Прочь отошедши, стал за кустом. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдруг видит Иван-царевич? Девица
В белой одежде стоит перед ним, молода и прекрасна

Так, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и, краснея,
Руку ему подает и, потупив стыдливые очи,
Голосом звонким, как струны, ему говорит: Благодарствуй,
Добрый Иван-царевич, за то, что меня ты послушал,
Тем ты себе самому услужил, но и мною доволен
Будешь: я дочь Кощея бессмертного, Марья-царевна,
Тридцать нас у него, дочерей молодых. Подземельным
Царством владеет Кощей. Он давно уж тебя поджидает
В гости и очень сердит, но ты не пекись, не заботься,
Сделай лишь то, что я тебе присоветую. Слушай:
Только завидишь Кощея-царя, упади на колена,
Прямо к нему поползи, затопают он — не пугайся,
Станет ругаться — не слушай, ползи да и только, что после
Будет, увидишь, теперь пора нам. И Марья-царевна
В землю ударила маленькой ножкой своей, расступилась
Тотчас земля, и они вместе в подземное царство спустились.
Видят дворец Кощея бессмертного, высечен был он
Весь из карбункула-камня и ярче небесного солнца
Все под землей освещал. Иван-царевич отважно
Входит: Кощей сидит на престоле в светлой короне,
Блещут глаза, как два изумруда, руки с клешнями.
Только завидел его вдалеке, тотчас на колени
Стал Иван-царевич. Кощей ж затопал, сверкнуло
Страшно в зеленых глазах, и так закричал он, что своды
Царства подземного дрогнули. Слово Марьи-царевны
Вспомня, пополз на карачках Иван-царевич к престолу,
Царь шумит, а царевич ползет да ползет. Напоследок

Стало царю и смешно. Добро ты, проказник, — сказал он, —
Если тебе удалось меня рассмешить, то с тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просим
К нам в подземельное царство, но знай, за твое послушанье
Должен ты нам отслужить три службы, сочтемся мы завтра,
Ныне уж поздно, поди. Тут два придворных проворно
Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво,
С ним пошли в покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу в пояс, ушли, и остался
Там он один. Беззаботно он лег на постелю и скоро
Сном глубоким заснул. На другой день рано поутру
Царь Кощей к себе Ивана-царевича кликнул.
Ну, Иван-царевич, — сказал он, — теперь мы посмотрим,
Что-то искусен ты делать? Изволь, например, нам построить
Нынешней ночью дворец: чтоб кровля была золотая,
Стены из мрамора, окна хрустальные, вокруг регулярный
Сад, и в саду пруды с карасями, если построишь
Этот дворец, то нашу царскую милость заслужишь,
Если же нет, то прошу не пенять головы не удержишь!
Ах ты, Кощей окаянный, — Иван-царевич подумал, —
Вот что затеял, смотри пожалуй! С тяжелой кручиной
Он возвратился к себе и сидит пригорюнясь, уж вечер,
Вот блестящая пчелка к его подлетела окошку,
Бьется об стекла — и слышит он голос: Впусти! Отворил он
Дверку окошка, пчелка влетела и вдруг обернулась
Марьей-царевной. Здравствуй, Иван-царевич, о чем ты
Так призадумался? — Нехотя будешь задумчив, — сказал он. —

Батюшка твой до моей головы добирается. — Что же
Сделать решился ты? — Что? Ничего. Пускай его снимет
Голову, двух смертей не видать, одной не минуешь.
Нет, мой милый Иван-царевич, не должно терять нам
Бодрости. То ли беда? Беда впереди, не печалься,
Утро вечера, знаешь ты сам, мудренее: ложися
Спать, а завтра пораньше встань, уж дворец твой построен
Будет, ты ж только ходи с молотком да постукивай в стену.
Так все и сделалось. Утром ни свет ни заря, из каморки
Вышел Иван-царевич глядит, а дворец уж построен.
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился,
Верить не хочет глазам. Да ты хитрец не на шутку, —
Так он сказал Ивану-царевичу, — вижу, ты ловок
На руку, вот мы посмотрим, так же ли будешь догадлив.
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасных царевен.
Завтра я всех их рядом поставлю, и должен ты будешь
Три раза мимо пройти и в третий мне раз без ошибки
Младшую дочь мою, Марью-царевну, узнать, не узнаешь —
С плеч голова. Поди. — Уж выдумал, чучела, мудрость, —
Думал Иван-царевич, сидя под окном. — Не узнать мне
Марью-царевну какая ж тут трудность? — А трудность такая. —
Молвила Марья-царевна, пчелкой влетевши, — что если
Я не вступлюся, то быть беде неминуемой. Всех нас
Тридцать сестер, и все на одно мы лицо, и такое
Сходство меж нами, что сам отец наш только по платью
Может нас различать. — Ну что же мне делать? — А вот что:
Буду я та, у которой на правой щеке ты заметишь

Мошку. Смотри же, будь осторожен, взглядишь хорошенько,
Сделать ошибку легко. До свиданья. И пчелка исчезла.
Вот на другой день опять Ивана-царевича кличет
Царь Кощей. Царевны уж тут, и все в одинаковом
Платье рядом стоят, потупив глаза. Ну, искусник, —
Молвил Кощей, — изволь-ка пройтись три раза мимо
Этих красавиц, да в третий раз потрудись указать нам
Марью-царевну. Пошел Иван-царевич, глядит он
В оба глаза: уж подлинно сходство! И вот он проходит
В первый раз — мошки нет, проходит в другой раз — все мошки
Нет, проходит в третий и видит — крадется мошка,
Чуть заметно, по свежей щеке, а щека-то под нею
Так и горит, загорелось и в нем, и с трепещущим сердцем:
Вот она, Марья-царевна! — сказал он Кощею, подавши
Руку красавице с мошкой. Э, э! да тут, примечаю,
Что-то нечисто, — Кощей проворчал, на царевича с сердцем
Выпучив оба зеленые глаза. — Правда, узнал ты
Марью-царевну, но как узнал? Вот тут-то и хитрость,
Верно, с грехом пополам. погоди же, теперь доберуся
Я до тебя. Часа через три ты опять к нам пожалуй,
Рады мы гостю, а ты нам свою премудрость на деле
Здесь покажи: зажгу я соломинку, ты же, покуда
Будет гореть та соломинка, здесь, не трогаясь с места,
Сшей мне пару сапог с оторочкой, не диво, да только
Знай наперед: не сошьешь — долой голова, до свиданья.
Зол возвратился к себе Иван-царевич, а пчелка
Марья-царевна уж там. Отчего опять так задумчив,

Милый Иван-царевич? — спросила она. Поневоле
Будешь задумчив, — он ей отвечал. -Отец твой затеял
Новую шутку: шей я ему сапоги с оторочкой,
Разве какой я сапожник? Я царский сын, я не хуже
Родом его. Кощей он бессмертный! видали мы много
Этих бессмертных. — Иван-царевич, да что же ты будешь
Делать? — Что мне тут делать? Шить сапогов я не стану.
Снимет он голову — черт с ним, с собакой! какая мне нужда!
Нет, мой милый, ведь мы теперь жених и невеста,
Я постараюсь избавить тебя, мы вместе спасемся
Или вместе погибнем. Нам должно бежать, уж другого
Способа нет. Так сказав, на окошко Марья-царевна
Плюнула, слюнки в минуту примерзли к стеклу, из каморки
Вышла она потом с Иваном-царевичем вместе,
Двери ключом заперла и ключ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потом, они поднялись и мигом
Там очутились, откуда сошли в подземельное царство.
То же озеро, низкий берег, муравчатый, свежий
Луг, и, видят, по лугу свежему бодро гуляет
Конь Ивана-царевича. Только почувял могучий
Конь седока своего, как заржал, заплясал и помчался
Прямо к нему и, примчавшись, как вкопанный в землю
Стал перед ним. Иван-царевич, не думая долго,
Сел на коня, царевна за ним, и пустились стрелою.
Царь Кощей в назначенный час посылает придворных
Слуг доложить Ивану-царевичу: что-де так долго
Мешкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходят,

Заперты двери. Стук! стук! и вот из-за двери им слюнки,
Словно как сам Иван-царевич, отвечают: буду.
Этот ответ придворные слуги относят к Кощею,
Ждать-подождать — царевич нейдет, посылает в другой раз
Тех же послов рассерженный Кощей, и та же всё песня:
Буду, а нет никого. Взбесился Кощей. Насмехаться,
Что ли, он вздумал? Бегите же, дверь разломать и в минуту
За ворот к нам притащить неучтивца! Бросились слуги
Двери разломаны вот тебе раз, никого там, а слюнки
Так и хохочут. Кощей едва от злости не лопнул.
Ах! он вор окаянный! люди! люди! Скорее
Все в погоню за ним!.. я всех перевешаю, если
Он убежит!.. Помчалась погоня Мне слышится топот, —
Шепчет Ивану-царевичу Марья-царевна, прижавшись
Жаркою грудью к нему. Он слезает с коня и, припавши
Ухом к земле, говорит ей: Скачут, и близко. — Так медлить
Нечего, — Марья-царевна сказала, и в ту же минуту
Сделалась речкой сама, Иван-царевич железным
Мостиком, черным вороном конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостиком. Быстро погоня
Скачет по свежему следу, но, к речке примчавшись, стали
В пень Кощеевы слуги: след до мостика виден,
Дале ж и след пропадает, и делится на три дорога.
Нечего делать — назад! Воротились разумники. Страшно
Царь Кощей разозлился, о их неудаче услышав.
Черти! ведь мостик и речка были они! Догадаться
Можно бы вам, дуралеям! Назад! чтоб был непременно

Здесь он!.. Опять помчалась погоня Мне слышится топот, —
Шепчет опять Ивану-царевичу Марья-царевна.
Слез он с седла и, припавши ухом к земле, говорит ей:
Скачут, и близко. И в ту же минуту Марья-царевна
Вместе с Иваном-царевичем, с ними и конь их, дремучим
Сделались лесом, в лесу том дорожек, тропинок числа нет,
По лесу ж, кажется, конь с двумя седоками несется.
Вот по свежему следу гонцы примчались к лесу,
Видят в лесу скакунов и пустились вдогонку за ними.
Лес же раскинулся вплоть до входа в Кощеево царство.
Мчатся гонцы, а конь перед ними скачет да скачет,
Кажется, близко, ну только б схватить, ан нет, не дается.
Глядь! очутились они у входа в Кощеево царство.
В самом том месте, откуда пустились в погоню, и скрылось
Всё: ни коня, ни дремучего лесу. С пустыми руками
Снова явились к Кощею они. Как цепная собака,
Начал метаться Кощей. Вот я ж его, плута! Коня мне!
Сам поеду, увидим мы, как от меня отвертится!
Снова Ивану-царевичу Марья-царевна тихонько
Шепчет: Мне слышится топот, и снова он ей отвечает:
Скачут, и близко. — Беда нам! Ведь это Кощей, мой родитель
Сам, но у первой церкви граница его государства,
Далее ж церкви скакать он никак не посмеет. Подай мне
Крест твой с мощами. Послушавшись Марьи-царевны, снимает
С шеи свой крест золотой Иван-царевич и в руки
Ей подает, и в минуту она обратилась в церковь,
Он в монаха, а конь в колокольню — и в ту же минуту

С свитою к церкви Кощей прискакал. Не видал ли проезжих,
Старец честной? — он спросил у монаха. Сейчас проезжали
Здесь Иван-царевич с Марьей-царевной, входили
В церковь они — святым помолились да мне приказали
Свечку поставить за здоровье твое и тебе поклониться,
Если ко мне ты заедешь. — Чтоб шею сломить им, проклятым! —
Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный помчался
С свитой назад, а примчавшись домой, пересек беспощадно
Всех до единого слуг. Иван же царевич с своею
Марьей-царевной поехали дале, уже не бояся
Боле погони. Вот они едут шажком, уж склонялось
Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними
Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось
В этот город заехать. Иван-царевич, — сказала
Марья-царевна, — не ездь, недаром вещее сердце
Ноет во мне: беда приключится. — Чего ты боишься,
Марья-царевна? Заедем туда на минуту, посмотрим
Город, потом и назад. — Заехать нетрудно, да трудно
Выехать будет. Но быть так! ступай, а я здесь останусь
Белым камнем лежать у дороги, смотри ж, мой милый,
Будь осторожен: царь и царица, и дочь их царевна
Выдут навстречу тебе, и с ними прекрасный младенец
Будет, младенца того не целуй: поцелуешь — забудешь
Тотчас меня, тогда и я не останусь на свете,
С горя умру, и умру от тебя. Вот здесь, у дороги,
Буду тебя дожидаться я три дни, когда же на третий
День не придешь но прости, поезжай. И в город поехал,

С нею простясь, Иван-царевич один. У дороги
Белым камнем осталась Марья-царевна. Проходит
День, проходит другой, напоследок проходит и третий —
Нет Ивана-царевича. Бедная Марья-царевна!
Он не исполнил ее наставленья: в городе вышли
Встретить его и царь, и царица, и дочь их царевна,
Выбежал с ними прекрасный младенец, мальчик-кудряшка,
Живчик, глазенки как ясные звезды, и бросился прямо
В руки Ивану-царевичу, он же его красотою
Так был пленен, что, ум потерявши, в горячие щеки
Начал его целовать, и в эту минуту затмилась
Память его, и он позабыл о Марье-царевне.
Горе взяло ее. Ты покинул меня, так и жить мне
Незачем боле. И в то же мгновенье из белого камня
Марья-царевна в лазоревый цвет полевой превратилась.
Здесь, у дороги, останусь, авось мимоходом затопчет
Кто-нибудь в землю меня, — сказала она, и росинки
Слез на листьях голубых заблистали. Дорогой в то время
Шел старик, он цветок голубой у дороги увидел,
Нежной его красотою пленясь, осторожно он вырыл
С корнем его, и в избушку свою перенес, и в корытце
Там посадил, и полил водой, и за милым цветочком
Начал ухаживать. Что же случилось? С той самой минуты
Всё не по-старому стало в избушке, чудесное что-то
Начало деяться в ней: проснется старик -а в избушке
Все уж как надо прибрано, нет нигде ни пылинки.
В полдень придет он домой — а обед уж состряпан, и чистой

Скатертью стол уж накрыт: садися и ешь на здоровье.
Он дивился, не знал, что подумать, ему напоследок
Стало и страшно, и он у одной ворожейки-старушки
Начал совета просить, что делать. А вот что ты сделай, —
Так отвечала ему ворожейка, — встань ты до первой
Ранней зари, пока петухи не пропели, и в оба
Глаза гляди: что начнет в избушке твоей шевелиться,
То ты вот этим платком и накрой. Что будет, увидишь.
Целую ночь напролет старик пролежал на постеле,
Глаз не смыкая. Заря занялася, и стало в избушке
Видно, и видит он вдруг, что цветок голубой встрепенулся,
С тонкого стебля спорхнул и начал летать по избушке,
Все между тем по местам становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался в печурке. Проворно с постели
Прянул старик и накрыл цветочек платком, и явилась
Вдруг пред глазами его красавица Марья-царевна.
Что ты сделал? — сказала она. — Зачем возвратил ты
Жизнь мне мою? Жених мой, Иван-царевич прекрасный,
Бросил меня, и я им забыта. — Иван твой царевич
Женится нынче. Уж свадебный пир приготовлен, и гости
Съехались все. Заплакала горько Марья-царевна,
Слезы потом отерла, потом, в сарафан нарядившись,
В город крестьянкой пошла. Приходит на царскую кухню,
Бегают там повара в колпаках и фартуках белых,
Шум, возня, стукотня. Вот Марья-царевна, приближась
К старшему повару, с видом умильным и сладким, как флейта,
Голосом молвила: Повар, голубчик, послушай, позволь мне

Свадебный спечь пирог для Ивана-царевича. Повар,
Занятый делом, с досады хотел огрызнуться, но слово
Замерло вдруг у него на губах, когда он увидел
Марью-царевну, и ей отвечал он с приветливым взглядом:
В добрый час, девица-красавица, все, что угодно,
Делай, Ивану-царевичу сам поднесу я пирог твой.
Вот пирог испечен, а званые гости, как должно,
Все уж сидят за столом и пируют. Услужливый повар
Важно огромный пирог на узорном серебряном блюде
Ставит на стол перед самым Иваном-царевичем, гости
Все удивились, увидя пирог. Но лишь только верхушку
Срезал с него Иван-царевич — новое чудо!
Сизый голубь с белой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по столу ходит, голубка за ним и воркует:
Голубь, мой голубь, постой, не беги, обо мне ты забудешь
Так, как Иван-царевич забыл о Марье-царевне!
Ахнул Иван-царевич, то слово голубки услышав,
Он вскочил как безумный и кинулся в дверь, а за дверью
Марья-царевна стоит уж и ждет. У крыльца же
Конь вороной с нетерпенья, оседланный, взнузданный пляшет.
Нечего медлить: поехал Иван-царевич с своею
Марьей-царевной: едут да едут, и вот приезжают
В царство царя Берендея они. И царь и царица
Приняли их с весельем таким, что такого веселья
Видом не видано, слыхом не слыхано. Долго не стали
Думать, честным пирком да за свадебку, съехались гости,
Свадьбу сыграли, я там был, там мед я и пиво

Пил, по усам текло, да в рот не попало. И все тут.